Глава 21.

Лечение Атхита было завершено только через два дня. Его тело было напитано энергией по самые уши и очень быстро формировало внутри себя единое ядро, или можно сказать, резервуар для получаемой силы. Корни рода, переданные от Патриарха - помогали в становлении силы внутри ребенка. Несколько раз в день энергия переходила от Авута до Атхита, теряя часть по пути из-за неподготовленности мальчика, или растворялась в организме без следа, но некоторая часть все же оседала во внутренних каналах и находила свой путь до ядра.

Очень скоро эта сила станет чем-то большим, могучим. Наполняющим, пульсирующим и развивающимся. Сила станет тем, что сломает все вокруг, превратив слабую волю мира в жалкие клочья – ведь в конце концов он дитя рожденное в этом мире и свое испытание, даже не предназначенное для него он выдержал. Будущее Атхита туманно, но как хороший отец Авут научит его всему и даст силу, как и всем своим детям.

Очень скоро все это сбудется. А пока «Морской Буйвол» рассекал волны, словно клинок, легко и изящно двигаясь вдоль поросшего оливой и тонкой, длинной травой берега. Позади, куда более неуклюже покачивалась на волнах старая, длинная ладья, больше похожая на узкую галеру, на которой расположились те, кому не хватило места на каракке и большая часть груза, что они забрали с собой из особняка в Браавосе.

Волны бились о борта кораблей и о скалистые обрывы и песчаные, плавно заходящие в соленую воду барханы берегов Дорна. Вскоре воды изменили свое течение и «Морской Буйвол» под командованием иббенийца завернул в русло реки – уходящей, словно кривой, извилистый кинжал в глубь песков. Очень скоро чистая, бушующая вода изменилась, превратившись в спокойную, текущую против движения кораблей желтоватую, словно янтарную, но сведенную до толщины ногтя, а от того бледную цветом, воду.

Это и была Серноводная. Река пахла свежестью, но свежестью обжигающей, непривычной, ненормальной для воды к которой привык человек и резкой, а потому неприятной, как бывает неприятна кровавая бойня для человека впервые оказавшегося посреди безумного рубилова, в котором жажда жизни и смерти смешались в единое целое, воплотив кровавое болото. Но все это было лирикой, и было важно лишь для других людей. Аут не воспринимал Серноводную как что-то чуждое – ведь он и сам был чужд для мира, а вода в которой просто содержалось большое количество серы была пусть и необычным явлением, но не таким уж чуждым миру. В конце-то концов, что отличает страх нереальности перед пахнущей серой, мутно-желтой водой на юге и восхищение перед величием огромной ледяной стеной далеко на севере, что стоит уже сотни лет?

Вскоре впереди показалось искривление русла, похожее на неровно обломанное кольцо, и корабли начали сбавлять ход, гребцы поднимали весла и по палубе забегали люди с канатами. Даже с воды Авут видел, что ему предстоит много работы и еще больше чем труда потребуется золота.

Замок Адовы Врата расположился на скале чуть в стороне от внутренней стороны «С»-образного поворота Серноводной, опустив в воду небольшую пристань с каменными колоннами, утопающими в иле и уродливыми, бледными водорослями, образуя небольшую бухточку, словно намекая на то, что торговым городом этому месту не стать. Уже от берега к вершине, поросшей пожухлой травой и засыпанной ломанным камнем, скалы тянулась мощеная камнем дорожка, по которой могла проехать телега и пройти один человек, и оканчивалась она возле массивных ворот, зажатых между двух округлых башен, от которых расходились десятиметровые зубчатые стены. От самой правой части в сторону высившегося над всей скалой небольшого плато с зеленым лугом выходила еще одна, уже узкая стена, оканчивавшаяся торчащей из середины природной колонны, идеально сохранившейся куполообразной беседкой из мрамора.

За первым кольцом стен выглядывало, выглядящее уже куда более внушительное второе. Высотой в пятнадцать метров, а местами и выше, из-за того, что сливалась с почти пятью круглыми башнями и четверкой пузатых, квадратных, ступенчато уходящих вверх по каменному основанию, с выступающими словно клыки на черепе балкончиками для стрелков, вторая и основная линия обороны создавала слегка пугающее первое впечатление. Некогда белый, а теперь пожелтевший кирпич весь обветрился и покрылся рыжим мхом, в то время как на зубцах, сложенных из него стен бурели въевшиеся в камень объемные кровавые разводы, словно напоминавшие о давнейшней кровавой истории, случившейся здесь. Вершины некоторых башен были неровно порушены, в паре стен внешнего кольца виднелись дыры и проросшие тощие, уродливые деревья с болезненно-бледными листьями и корой. Одна из башен, самая приземистая, практически скрывшаяся за стенами и вовсе представляла из себя давно заброшенный сад, давно разросшийся за отведенные ему границы. Черные бойницы и окна по всему замку смотрели на дорогу, ведущую к воротам, и провожали весь путь на реке, пока вода не уносила корабли путников дальше, за другую скалу, пряча ее от кровожадного взора Адовых Врат и их обитателей.

Под стенами уже появились несколько десятков наскоро сделанных лачуг, и поставлено несколько палаток. В стороне были организованы кучки для битого камня и отдельное место под бревна. По стенам ходили люди, перетаскивающие балки и поднимающие разный груз с помощью корзин и веревок, или просто таща на спине. Восстановление уже началось и под кропотливым наблюдением офицеров из бывших «Рубиновых масок» и не собиралось останавливаться – нанятые инженеры и прочие работники были вынуждены работать в три пота. Особенно последние, так как чтобы получить что-то помимо еды и десятка медяков за день им нужно было прилагать даже больше усилий, чем работающие за идею и за новый дом бывшие наемники.

Каракка причалила, и команда бросила канаты выбежавшим из двух обмазанных глиной домиков возле причала обросшим, загорелым парням. Галере нужно было куда больше времени, чтобы разместиться и занять большую часть оставшегося в доках места. Мостки и абордажные доски опустились на каменный помост и народ повалил на землю, радостно махая и перекрикиваясь с загомонившими на скале оставшимися в Вестеросе парнями.

Через три дня, удовлетворенный состоянием сына и тем как протекают работы, Авут отправился на осмотр окрестностей в компании заделавшегося сокольничим и псарем одновременно Томмена Когтя, молодого евнуха Морох Нараля. Ведущего опись и зарисовки всего что только возможно, а так же решившего развеяться Милтосом. Братья близнецы,

иббениец и отрядный кузнец остались в замке, обживая его внутреннее кольцо под семью лорда и себя, конечно же.

В целом земли удовлетворяли Авута, не особо разбиравшегося во всем этом, но прекрасно оценившего сколько вокруг пастбищ для дотракийских коней, и сколько вокруг места для свободолюбивых всадников, обожающих находиться в движении. Конечно кочевники все еще подчинялись Прасету, но их корни глубоко засели в них и постоянная смена места была лучшим способом занять всадников в отсутствие войны. Позже конечно можно будет продавать их кривые мечи на службу постоянно грызущихся лордов, или если Аут сам заскучает – иногда возвращаться к работе наемников в Эссосе.

Поля, луга, холмы, степи, как заросшие травой по колено, так и практически лысые, а так же, песчаные барханы и зеленые островки неприхотливых буков с кривыми пихтами и соснами, резко уменьшавшимися до колючих кустарников и приземистых виноградных лоз, покрывавших порой скалы и опушки редких лесов. А так же пальмы и дикорастущие лимоны с апельсинами, и кучкующийся сахарный тростник. Жизнь собиралась возле небольших ручейков и мелких грунтовых рек, настолько мелких, что даже не отмеченных на картах и известных в основном только живущим в Дорне торговцам и пустынным бродягам.

В целом жизнь была и на берегах Серноводной, но была она странной. Чахлые, белые и словно окаменевшие стволами приземистые деревья с желто-изумрудными листьями, свернувшимися чуть ли не в трубочку, кусты со странными рыже-желтыми ягодами, чей стебель покрыли крючковатые шипы. Иногда пощипать траву к дурно пахнущей воде подходили похожие на косуль животные с дикими ослами и по степи проносились небольшие табуны дорнийских скакунов. В кустах и высокой траве шебуршали и мелькали мелкие грызуны, постоянно таскавшие в маленьких пастях коренья и где-то добытые грибы. Вся эта живность часто становилось добычей в охоте, а потом и едой, украшениями из шкур с костями и конечно одеждой. Особенно досталось вытянутым, бурым кротам, плотно населявшим территории вокруг замка. Их лоснящиеся шкурки и прочая разная мишура, как например кубки из украшенных резьбой рогов с обернутыми вокруг золотыми и серебряными кольцами, стали первым товаром, что повезли на продажу в Старомест, а потом если что и останется, то в Ланниспорт Муг Горр и проныра Милтос, говорившие на местном языке с характерным каждому акцентом, а потому спокойно притворявшиеся торговцами с другого континента. И если людям в Западных землях наплевать на происхождение, то вот жителям «зеленых холмов» не нужно знать, что продавцы живут в Дорне – заклятом враге Простора. Так же, как и не стоит соваться кичащихся происхождением из земель Тиреллов людям в города под властью Мартеллов.

Строительство же тем временем продолжалось. Несколько башен и главная аллея со двором во внутреннем кольце уже походили на то какими они задумывались, а не выглядели как обломанные зубы и заброшенные руины. Самую сильно поврежденную из башен было решено уменьшить, опустив до уровня стен и избавиться от части внутренних перегородок, превращая ее первый этаж в псарню, а второй отдавая под караулку с закрепленным там отрядом. Благодаря освободившемуся камню самая высокая башня из пяти была восстановлена и теперь ее тень хищно высилась половину дня над отреставрированными главными воротами и дорогой в замок.

Со стенами первого, наружного, кольца все было на порядок сложнее – камень в них

покрошился куда сильнее, дыр было на порядок больше, а местами и вовсе просел грунт. При внимательном осмотре куска по южной стороне и вовсе выяснилось, что под нее вел незавершенный подкоп, тем не менее сильно покосивший укрепление. Обе улочки, что вели к вершине скалы, а значит и в главную часть замка, пришлось очищать от завалов. Под камнями обнаружились уже практически превратившиеся в труху скелеты. Все указывало на то, что во время осады Адовых Врат неизвестный враг прорвал первое кольцо и вошел внутрь замка, но защитники завалили проходы наверх и продолжили оборону. Это им не помогло – возможно кончились запасы, возможно и заваленные проходы враг смог преодолеть – исход один, поражение и благородный дом владевший этой землей пал.

Самая широкая квадратная башня оказалась не совсем башней, а скорее донжоном, чей второй этаж превращался в несколько просторных комнат и оканчивался похожей на восьмиугольную звезду крышей. Лестницами в этом месте служили две круглые башни, вплотную примыкавшие по бокам. Главный зал на первом этаже подвергся переработке и очень скоро превратился в настоящий тронный зал какого-то дикарского племени – куполообразный потолок вновь украшала мозаика, по стенам, сложенным из блоков в половину человеческого роста, висели десятки трофеев, напоминавших о славной компании в Эссосе и службе наемниками уже Мартеллам. По всему полированному полу были расстелены длинные ковры, среди которых выделялся самый широкий и длинный посередине, ведущий к обеденному месту на возвышенности, по сторонам от которого, создавая коридор, стояли дубовые столы с длинными скамьями. На дальней стене, прямо над обеденным столом лорда повис выполненный на заказ гобелен с изображением герба дома Прасет – сжатая в кулак окровавленной латная рукавица на золотистом поле. За плотной тканью скрывался тайный проход в один из подвалов, через которые можно было выбраться уже к подвалу кузнецы, или к куда более витиеватым тоннелям, которым требовались ремонт и полная чистка.

Жилые комнаты так же подверглись реставрации и очень скоро каждый из офицеров получил знатный кусок внутреннего замка себе в проживание, как и те, кто был выбран в слуги и поселился в общих комнатах. Замковая кухня первой задымила в безоблачное дорнийское небо сизой дымкой из трубы печи, а уже за ней вместе со снопом искр в воздух взвилась черная копоть из кузни.

Самым целым куском замка оказалась та самая небольшая башенка на соседней скале, к которой вел каменный мост. Мрамор прекрасно сохранился, оставшись по истечении лет все таким же красивым и искусно отделанным, пусть и побитым временем, и ветрами. Состоящая из десяти колонн и куполообразной крыши башенка высилась на добрые пять метров, охраняя проход по каменной лестнице в мрачный зев черных пещер. Оказавшиеся в итоге склепом катакомбы хранили в себе уже сломленные без ухода статуи - потерявшие черты лица и лишившиеся многих деталей, они были свидетелями многих давних событий, храня историю каждого из представителей благородного дома. И все они были безжалостно разрушены, самые сохранившиеся урны с прахом вытряхнуты и омыты, а место расчищено и вновь освещено мрачно мерцающими факелами. Авут не собирался терпеть восхвалявшие чужие дела останки и памятники на своей земле. Нет, куда больше ему нравилось ощущать себя полноправным хозяином, как физически, так и энергетически. Чтобы полностью заклеймить это место за домом Прасет, Патриарх выпустил просто колоссальную волну духовной силы, очищая фон от всякого «мусора», что мог тут скопиться или остаться. На время склеп был оставлен в темноте и ожиданиях, когда в нем будут установлены статуи новых хозяев.

Но стоило только более-менее наладить проблему с жильем, как пришла новая беда – остро встала проблема грозящей нехватки продовольствия, которую нельзя было решить охотой на местную живность, а золото - конечно. Потому было решено заняться посевом неприхотливых злаков.

Люди вскопали землю вдоль небольших ручьев, что впадали в Серноводную, разделили все на участки и засеяли всем что было под рукой. Но через несколько месяцев почти ничего так и не взошло, наступила сухая пора и часть ручьев высохла, а ветер разметал некоторые недостаточно глубоко просеянные участки. Те же жалкие росточки что все же взошли были крайне слабыми и пожухлыми, но это все же был успех и забота о них не прекращалась ни на день. Но тут встала новая проблема – на неполные шесть сотен человек в Адовых Вратах приходилось всего десяток человек, которые хоть что-то смыслили в фермерстве.

Кочевники, воины, бывшие гладиаторы, боевые и не очень рабы, взявшие оружие, кровожадные наемники, жадные до схваток дуэлянты, дорнийские копейщики, мастера-лучники, лучшие в деле убийства и преследования с окружением. Все они были здесь, но лишь некоторые валирийцы понимали, что нужно делать с мотыгой, землей, семенами и кадкой с водой. Да и то, даже сереброволосые быстро терялись, когда речь заходила о глиняной или сухой почве Дорна, привыкнув к плодородной вулканической земле на своих родны островах.

И первым делом эта проблема ударила по голове Авут, совершенно не понимающего какого демона происходит. В простое время его молодости природа давала достаточно для пропитания одного племени, а если кто-то хотел впрок или просто нужно было больше – достаточно было взборонить землю первым попавшимся тяжелым суком и засеять, после чего нужно лишь поливать. В то дикое время Прасету достаточно было выйти на охоту за какой-нибудь здоровой тварью и обеспечить клан мясом на месяц с гаком, или отобрать запасы у соседей, а сельхоз работы можно было спихнуть и на более опытных в таком деле людей. Сейчас же пришлось искать решение проблемы самостоятельно, и уже после сваливать реализацию возникшей идеи на плечи подчиненных.

Первым делом караван, взявший с собой добрую сотню золотых драконов, отправился в Солнечное копье, с наказом по пути зайти в каждый замок и просто поселение, дабы раздобыть семян и муки, и конечно нанять фермеров, что понимают, как нужно работать в засушливых условиях Дорна.

После, уже заскучавшие без дела дотракийцы были разделены на несколько групп, к которым были приставлены несколько толковых наемников, получивших на руки по кошелю с содержанием в десять драконов. Эти отряды разделились и отправились во все стороны региона, дабы как и караван найти еды, засушив как можно больше мяса, а так же чтобы найти людей для возрождающихся земель. Слесари, молодые кузнецы, охотники, караванщики без дома, фермеры, водоискатели, беглые рабы, старые, молодые. Конники должны были растянуться на много лиг и набрать всех, кого только можно. Даже их положение в обществе, взгляды на жизнь и совершенные деяние не волновали Авута, ведь его учение сможет открыть им новый путь в жизни, а пара хороших затрещин и поучительная беседа с проникающей в мозг духовной энергией, просто подавлявшей на уровне инстинктов любую вредительскую мысль в сторону Прасета, его семьи и приближенных.

Даже в сторону Севера отправилась каракка, чтобы закупить самый дешевый в Вестеросе лес и завербовать там желающих перебраться в куда более теплые места людей. Там же и будут проданы изделия из кротовых шкурок и пополненный запас нехитрых украшений. Если повезет, то корабль натолкнется на решивших пограбить железнорожденных и обзаведется судном на продажу и пленниками на выкуп или перевоспитание.

К ночи, разослав народ и мысленно разобравшись с проблемой, Авут рухнул в кровать и только тогда смог тяжко выдохнуть. Управление целым замком с кучей народа и в засушливом регионе значительно отличалось от управления небольшой деревянной крепостью на краю густого леса и отнюдь не в лучшую сторону. Слишком много забот внезапно свалилось на бедную голову Прасета, который покинул родной мир чтобы развеять скуку. В его голове даже стали зарождаться предательски сладкие мысли бросить все это счетоводство и захватить Пекло – замок дома Уллеров, объявив о какой-нибудь провокации.

Но умиротворенное лицо сопящего рядом на кровати Атхита, чей сон теперь постоянно охранял Авут в ожидании дня, когда сила его сына окончательно сформируется, отодвигало эти мысли подальше.

Уже склоняясь к проходу в царство сна, в голове Прасета промелькнул образ дорнийской любовницы, вызывая воспоминание о двух письмах, в которых говорилось что она беременна и отказалась покидать Солнечное копье. За образом смуглой, подтянутой дорнийки всплыл и образ пухленькой септонки с куда более белой кожей, с которой он провел пару ночей. Он знал, что таким как она запрещено пить лунный чай и вполне возможно она уже носит под сердцем его ребенка.

Решив разобраться со всем позже с помощью писем и воронов – Авут наконец опустил голову на набитой соломой подушку и тут же уснул.

http://tl.rulate.ru/book/48855/1360531